

А. Белый

Переписка с М.К. Морозовой

Предисловие Д. Мальмстада

Хотя Белый лично познакомился с Маргаритой Кирилловной (1873-1958), женой известного фабриканта и коллекционера М.А. Морозова, лишь весной 1905 г., увлечение его Морозовой относится к 1901 г., когда он видел ее на московских улицах и затем "встречался с ней глазами" на симфонических концертах. С этого времени она становится адресатом лирико-романтических писем Белого. Она - и героиня "Второй Симфонии" Белого, и под именем "Надежда Львовна Зарина" она фигурирует в поэме "Первое свидание" (1921). С 1905 г. Белый постоянно бывал у нее в гостях и часто присутствовал и участвовал на заседаниях Московского религиозно-философского общества, которые происходили в ее московском доме. В трудные моменты своей жизни Белый получал от нее известную моральную поддержку, а в начале десятих годов и финансовую помощь от ее издательства "Путь". Она, как и другие московские друзья Белого, подобно С.Н. Булгакову, боялась, что "наступает настоящая бездна - Штейнер" (А.А. Блок и Андрей Белый. ПЕРЕПИСКА, с.295). В конце 1912 г. Белый "тщетно бросался... с объяснительными письмами, что ничего не изменилось: к Метнеру, Киселеву, Рачинскому, Морозовой, Крахту" (ПОЧЕМУ Я СТАЛ СИМВОЛИСТОМ, с.84). Он написал Морозовой пять длинных писем в этот период, объясняя свое решение и излагая содержание лекций Штейнера. В начале 1913 г. он ей отправил публикуемое ниже письмо, которое датируется берлинским (12.1.13) и московским (3.1.13) штемпелями и отвечает на письмо М.К. Морозовой (без даты), приводимое тут же (ЦГАЛИ...; ф.25, карт.20, ед. хр,12):

[конец 1912 года]

Дорогой и милый друг Борис Николаевич!

Получила сию минуту Ваше письмо и пишу! Я Вам писала дважды за это-время и как видно Вы моих писем не получили. Это и неудивительно, т.к. не успеешь опомниться, как Вы улетаете в другое место, потому сейчас пишу не откладывая, а то Вы того и гляди куда-нибудь упорхнете! Дорогой мой и милый друг, благодарю бесконечно за Ваши письма, я их храню (как вообще все Ваши письма) и часто перечитываю. Спасибо за них! Очень очень прошу Вас, продолжайте мне писать, мне так нужно знать что Вы и как! Прежде всего умоляю Вас не думать что со мной *нужна* полемика, потому Ваши письма я и не понимаю как полемику, а всей душой слушаю Вашу горячую речь обращенную через меня ко всем! Слушаю и всеми силами души хочу прислушаться не к словам, не к теоретическому смыслу, не даже к религиозным утверждениям, а к тому "о чем все это" и "к чему оно ведет"! Поверьте, что я глубоко заинтересована Штейнером, для этого мне достаточно того, что *Вы* пошли к нему, поверили ему и отдались ему! Как и что, каковы его теории, каков он как ученый, как философ - я не знаю, не могу судить, но это для моей души и не так важно! Хотелось бы, слушая Вас, следить и видеть плод "дела Штейнера"! Самой глубиной души я задаю себе *вопросы*, это *вопросы* только. Да разве в сущности все мы можем в самой глубине жизни задавать что-нибудь кроме вопросов! Главный мой вопрос - это оккультизм? Не то что я не принимаю смысла оккультизма и значения его. Наоборот, я уверена, что мы слишком мало знаем все чудесное, что пока для нас тайна и что мы должны идти к тому чтобы раскрывать эту тайну в нас и кругом нас. Все дело не в цели, а в средствах. Так вот мой вопрос, который я не критически холодно себе задаю, не осуждаю чего-то, как Вы подзреваете, а просто спрашиваю и со страхом и какою, недоверием! Привыкла верить яркому солнцу, а ночь хотя и манит, но Бог знает какая там нечисть живет! А тут не все на солнце, иначе почему тайное? Я знаю, что сама жизнь тайна и пути ее таинственны, но это тайна мировая и хранительница ее церковь и что бы там ни было,

плохо ли, хорошо ли, но средства и цели ясны, т.к. опираются на всечеловеческий, объективный опыт! Я знаю там, что вручаю себя, свою волю не личной, отдельной, произвольной воле, а чему-то общему, основанному на долгом историческом опыте. Видите какая я трусиха! Я вот и озираюсь со страхом, что Вы вручаете свою волю и силы *отдельной субъективной* воле, хотя и гениальной может быть. Потом очень волнует меня вопрос о том как возможны оставаясь в мире, в браке, в борьбе, в культуре все эти оккультические упражнения? Хватит ли сил человеческих? Мне ясно, что отказавшись от жизни, уйдя в монастырь я подчиняюсь старцу и под его руководством начинаю развивать в себе внутренние силы! Но оставаясь в жизни, не достаточна ли сама жизненная борьба, сама жизнь, труд, постоянное лишение, необходимость давать другим, любить других! Дай Бог, чтобы хватало сил и на это, а тут надо отдавать силы на подчинение отдельной личности и тратить их на трудные упражнения, не путем жизненного труда на своем посту, а путем отдачи себя (хотя и временной) в пассивное состояние. Дорогой, ради Христа не сердитесь, поймите, что не дама с султаном говорит с Вами, а душа моя обращается со своим сомнением. Я от всей души счастлива, что есть на свете такая *сила* как Штейнер, но я глубоко грущу и боюсь, что эта сила вместо того чтобы подымать в душах силы и поддерживать их на жизненном пути и не отрывать от их жизненного дела, вместо того сосредоточивает их. около себя и углубляет в свое неизвестное! Что же это, монастырь? Если да, то это *мне* понятно, хотя и не по силам было бы. А если нет, то я боюсь этого неведомого, ночного! Что там в этой темноте сокрыто? Выражаю Вам *свой* страх! Я Вам верю, что Вы светлый, верю и что Штейнер светлый и говорит и думает о светлом, но *пути* его? Знает ли он сам куда они ведут? Дорогой пишите что Вы? Что Ася? Долго ли Вы еще будете там? Я знаю, что Вы вернетесь сюда на Ваш жизненный путь, знаю, что Вы *для него* всем сейчас жертвуете! Христос с Вами.

Ваша М.Морозова.

[январь 1913 г., Берлин]

С Новым Годом!

Милая, родная, Маргарита Кирилловна,

Простите ли Вы мне это странное, непричесанное письмо, начало которого я вынул, ибо оно о событиях, уже минувших, о Москве, о ворчанье, и т.д. Я сперва начал Вам обыкновенное письмо на обыкновенной бумаге, но её не хватило. Я продолжил просто на листах. Вышло оно несуразно и обрывочно (в промежутке его - дела и поездка в Кёльн). И вот заканчивая письмо, пишу новое к нему начало.

Громадное спасибо за ласковое и хорошее Ваше письмо: оно меня глубоко затронуло и прежде всего захотелось Вам безмерно много сказать.

Я хотел сразу, в одном письме ответить Вам на все Ваши вопросы, но один вопрос, вопрос об *"оккуль[ти]зме"* разросся в целую систему ответа.

Итак, милая, хорошая Маргарита Кирилловна: пока я лишь показываю Вам паспорт отношения моего к пресловутому *"оккультизму"*. И лишь в следующем письме коснусь других Вами затронутых вопросов (о *свете*, о *христианстве*, о *старцах* и т.д.). Но, чтобы писать не в пустоту, я продолжу *это свое письмо* лишь после получения от Вас ответа.

Милая, не пугайтесь размеров письма и прочтите его внимательно. Начало его (о передрыгах с Москвой) я вынул.

Пишу, родная, так подробно, ибо всё это больной пункт мой. Так трезво, тихо, нормально сидишь у себя в углу и никому не мешаешь, а к Тебе насильно врываются нездоровые струи болтовни и суеты.

Вот почему я стал осторожен и, каюсь, подчас подозрителен: ряд инцидентов вокруг меня и друзей - инцидентов вздорных, раздуваемых в *"события"* - измучил меня за эти 8 месяцев.

Отсюда и мое письмо к Вам(1).

Ну, не стану о *треволнениях*: буду подробно Вам отвечать на хорошее, ласковое, светлое письмо.

Милая, хорошая: такой теплый луч идет от Вашего письма; и так мне легко и светло отвечать на Ваши сомнения о Докторе (верней о его деле): только тут ведь могут быть сомнения; дело не в личностях, а в устремлении пути; есть ли *окультизм* Путь? Не знаю: я ведь очень холодно отношусь к терминам. Когда говорят "*окультизм*" то разумеют прежде всего оккультическую литературу XIX столетия (второй половины) т.е. сочинения талантливых и неталантливых синкретистов, смешавших воедино все исторические памятники "*Geheimwissenschaft*"; обыкновенно такие книги все шарлатанского духа: пишущие или рассчитывают на легковерье, или сами ни аза не смьгелят в том, о чем пишут, или думают, что смыслят, опираясь на рудиментарные, неразработанные способности своей души, открывающие им *кое-что* из написанного (в терминологии Штейнера лучшие из них обладают имагинацией т.е. астральным ясновидением: но эта имагинация есть ясновидение сквозь густой туман субъективизма, смещающего контуры подлинной правды). Поэтому даже лучшие представители совр. окультизма бессознательные шарлатаны (смешивая индивидуально узнанное в астральном плане с историческими свидетельствами мистики и т.д.). Таких честных шарлатанов "*мало*" (Stfanislas] Guaita, d'Alveydre); далее идут уже явно шарлатаны вроде Eliph[as], Levi, Папюса. И они доминируют. Окультизм такого рода к "*Geheimwissenschaft*" относится так, как наименование *профессора* черной и белой магии (смотри представленья в цирках) не имеет ничего общего с высоко-почетным университетским званием "профессор"...

Люди, мало знакомые с сутью *проблемы* (с принципами тайной науки) смешивают *достоверность* тайной науки с шарлатанизмом. Вы понимаете, конечно, что "*das ist nicht der Fall*" относительно меня. Это во-первых.

Во-вторых: под "*окультизмом*" разумеют то особое течение 15-го, 16-го и 17-го столетия, которое породило с одной стороны новую философию, новую науку, новую мистику. "*Окультисты*" это те, кто стоял на рубеже между нашей эрой и средневековой схоластикой. Это те, кто подняли во имя *мистики* и *науки* знамя бунта против "догматизма" в кавычках Римской Церкви, противопоставляя интимное понимание религии (эсотеризм, окультизм) средневековью и инквизиции, но которые верили в *магию науки* и в *научность магии*. Так их определяют поверхностно культурные люди "*века сего*". Имена их фигурируют во всяком учебнике истории *новой философии* в качестве предшественников *прогресса* и *цивилизации* века застоя. Я назову только следующие имена: Аббат Тритгейм, Агриппа Нетесгеймский (автор "*Occulta Philosophia*", убежденнейший окультист), его ученик Иоган Вейер (ученый врач, первый настаивавший на том, что *ведьмовство* есть психопатологическая болезнь), Теофраст Бомбаст Пара-цельс, Генрих Кунрат, Николай Фламмель, Кирхер, Флюдд и т.д. (Флюдд, Кунрат, Кирхер, Парацельс - розенкрейцеры)(2). Неполное понимание Джордано Бруно заставляет его без сомнения отнести к этому же ряду имён. Фаланга этих окультистов произвольно переходит к отцам естествознания. Например Ньютон: его "*сила*" есть конечно "*qualitas occulta*". Говорю широко - и Ньютон окультист: все ньютонианские теории в физике произвольно мистичны.

Отношение к историческому окультизму двояко: его считают (большинство) предтечей новой эры одни, и его реставрируют другие: сочинения Кунрата, Парацельса переиздают в наши дни, видят здесь смыкуемые "*глубины*". Образно говоря, отношение к окультизму этого рода либо "*либеральное*", либо "*декадентское*"; у Виндельбанда "*либеральное*", у нео-мистиков наших дней часто декадентское (Стриндберг, Гюисманс и т.д.).

Ни то, ни другое неправильно.

Если есть что-либо ценное в туманных эмблемах Кунрата или Агриппы, так это вовсе не то, что в них видны зачатки философских концепций, впоследствии развернувшихся в Лейбнице, Спинозе, Декарте; еще менее эти писатели - объект стилизации мысли наших дней (они ни *сырая говядина* для позднейшего блюда философии, ни декадентская *корочка черного хлеба*(2а) после "Ананаса"). Лучшие имена их (Парацельс, Кунрат, Флюдд, Кирхер) - розенкрейцеры, т.е. люди, принадлежавшие к *тайному братству*, в котором культивировалось знание, недоступное иным: знание подлинного строения человека, его связи с космосом (связи не только моральной, но и анатомическо-физиологической); книги этой группы людей были лишь внешним выражением того, что в интимном смысле слова невыразимо словами, как нечто *реально-опытное, достоверное*; ведь физический, химический опыт в науке выразим в описании и суммирован в формуле. Опыт

предполагает осязаемый объект. Объект химии - вещество, биологии - животный организм. Объект оккультизма тоже реально виденный и осязаемый объект, но объект иного порядка: факт, взятый *не только* на физическом плане. Как же подойти к этому факту?

Но что есть обычный факт? Естествознание прежде считалось с фактами в грубейшем и примитивнейшем смысле: факт есть то, что я осязаю, например, обычным зрением; но если бы естествознание остановилось на этой стадии, то его и не было бы в нашем смысле слова. Вы знаете, что биология базируется на микроскопических исследованиях: *факты* из жизни *клеточек* лежат в основе современной биологии, а сама клеточка *не видна простым зрением*; и так для факта биологии, для объекта ее нужен *микроскоп*, а для астрономии *телескоп*, т.е. *прибор, инструмент*; инструмент становится между объектом и человеком. И если бы кто-нибудь стал сомневаться в существовании клеточки, того по заслугам бы осмеяли.

Заметьте: популярное понимание мира, основанное на фактах принимается нами на веру, ибо изучение *объекта* естествознания ведется столь тончайшими специалистами, что заговори они с нами на их техническом языке, мы услышали бы *абракадабру*: вывод науки словесный есть всегда популяризация чего-то непопулярного; в науке есть своего рода деление на *кларизм* (экзотеризм) и оккультизм (эсотеризм). *Кларистично* популярное изложение того, что есть сущность звука, и *оккультна* в этом смысле "Теория слуховых ощущений" Гельмгольца. Почитайте Гельмгольца, и Вы ничего не поймете, а Вы все-таки Гельмгольцу *верите*, ибо знаете, что Гельмгольц *проверяем*, но... таким же специалистом, как он. Видел ли кто-либо, как две частицы водорода соединяются с частицею кислорода? Нет. Но возьмите соответственные порции и проведите опыт: Вы получите воду (то есть 2 водорода + 1 кислород). И Вы скажете: доказательство *невидимому* есть произведенный мною опыт с такими-то результатами.

Но для произведения опыта нужен прибор.

То же и в *Geheimwissenschaft* (тайной науке). Кто докажет мне что эфирное тело есть? Никто не докажет, ибо не доказуемо в химии существование атома, но признание его необходимо, раз имеют место такие-то опыты. Произведите морально мысль в таких-то условиях, сосредоточьтесь так-то и такой-то цикл явлений Вам будет открыт; и по сумме явлений Вы признаете, что существование эфирно-атомического строения мозга, которого грубым уплотнением является мозг физический, есть столь же необходимая гипотеза, возведенная в догму, каковой является *догма* о существовании эфирного тела. Вы скажете, почему именно такие-то в принципе случающиеся феномены суть взывают к эфирному телу, а не к чему бы ни было другому. Но это вопрос, на который *специалист "тайной науки"* ответит: "Чтобы судить о правильности гипотезы, возведенной в *догму*, надо увидеть, как гипотеза эта естественно вырастает в Вас, как объединение опытных данных, а опытных данных для суждения у Вас нет. Для изучения химии нужен ряд *приборов*". Вы спросите: "Где же фабрика приборов для *этого(3)* рода опытов?" Вам ответят: "Фабрику для изготовления приборов нужно построить Вам самим по имеющимся планам при содействии архитектора, и когда фабрика будет построена, тогда будут приборы и приборы точнейшие". Вы скажете: "Да, но если *прибор* для изучения есть так сказать морально-физиологическое очищение и сосредоточивание себя так-то и так-то, то это во-первых - индивидуальный самогипноз, во-вторых путь, который закрыт для всех". И Вам ответят: "Но оставаясь на строго-научной почве Вы не можете строить, не имея *данных*; чтобы так сказать, надо что-либо *знать фактически* объясните-ка крестьянину, что на солнце открыт был сперва металл гелий, и крестьянин Вас засмеет". Даже тончайшие мистики, не испробовавшие реально-оккультной учебы, суть такие крестьяне, оспаривающие и самую возможность открытия *гелия* на солнце, когда открытие это фактически *уже совершилось давно(3)*. Во-вторых, специалист Вам скажет: "В принципе да, но в реальности нет: далеко не всякий способен окончив 8 классов гимназии, 4 курса математического факультета, сдавши магистерский экзамен убедиться осязательно в правильности скульптурной лепки фигур 4 измерений в трехмерном пространстве (такова в высшей математике скульптура фигур по Вейерштрассе - своего рода математический оккультизм); то, что мы верим, что это возможно, основано не на нашем знании, а на доверии к *специалисту*". Если механическое усвоение вершин знания требует далеко не механической усидчивости, то во сколько раз *сложнее, деликатнее, тоньше* приборы

окультизма, рост органов эфирного и астрального зрения, находящихся у нас в зачаточном состоянии (анатомия и физиология этих органов разработана в теории и проверяема на практике: органы эти - цветки лотоса - в места лба, гортани, сердца, солнечного сплетения и т.д. *связаны* с определенными достижениями окультизма). Ко всей сложности *технического* достижения должно присоединить самообладание, мужество, дерзновение, режим, особые медитации и что главное: постепенное очищение моральное и душ. покой [и] даже (что важнее многого) контроль и этика мыслей и чувств, ибо мысль реальнейшее из реального; и дисгармония мыслей, сходящая с рук профану, становится воистину *серной кислотой* для неопита в его первых, робких шагах. Что это все *не теория*, а винты и отдельные части оккультических *микроскопов* и *телескопов*, это мы знаем уже по себе. 5 месяцев *преддверия* *приготовительного класса* учебы мне показали реально, что *объекты* окультизма столь же осязательны, как объекты научного исследования; в 5 проведенных при Докторе месяцах мы узнали *достоверно* то, что во всю жизнь не знавали; узнали и то, что *трезвость, контроль и проверка* отграничивают строго эти области от субъективного (ну, что скажешь Вам, если Вы скажете, что *ауры* нет, когда я *вижу*(3) ауру, и когда она золотая, то это не мне кажется, а кажется *всем одинаково* кто ауры видит; а когда она *синяя*, то она *синяя* для А, В, С, D и т.д.).

Все это пишу Вам я так пространно, чтобы наметить следующие положения: начало естественного разграничения между *окультным* и *неокультным* уже лежит в естественном порядке вещей, *в нашей науке*, в процессе нарастания сложностей по мере углубления в природу вещей: там где поэты, мистики, бессознательные провидцы восклицают "мысль изреченная есть ложь", там где измеряющие обычным способом океаническую глубину подсознательного и надсознательного говорят "*здесь кончается лот измерения*", там окультизм не отчаиваясь перед хаосом подсознательного и не ослепляясь от солнечного блеска надсознательного *трезво* изыскивает способы изучения и фиксации в формуле *неизреченного*. И фиксированная формула, красноречивая для того, кто *методично* и *четко, без головокружения*, сходит в глубину или восходит в высоту, для мистика только, поэта или обычного философа будет *абракадаброю*, как была бы *абракадаброю* для греческого философа-физика столь ясная для *современного физика* формула: $pv = p_0v_0 (l + at)$. "Что это за p, v, a, t ?" воскликнул бы греческий философ. - "Нравится Вам или не нравится, но это - так: это - символическое выражение закона Шарля и Бойля, проверяемое опытом"... Так ответил бы физик-ученый.

Поймите: деление на *скрытое* и *явное* - деление, которое Вас шокирует, есть деление основанное не на желании спрятать, а на невозможности доказать толпе, отрицающей то или другое без проверки. Но дело не в том, что окультисты прячут проверку; дело в том, что условия проверяемости требуют здесь от желающего проверить полного изменения своих привычек и обычных схоластических предвзятостей, т.е. полной объективности спокойного неполемического зрения и изготовления *прибора*. Представьте себе человека, абсолютно не верящего в то, что при критической температуре *вещество* прямо, мгновенно из жидкого состояния переходит в газообразное (обычный опыт, показываемый студентам естественникам первого курса); профессор физики говорит такому неверующему: "Я вам могу это доказать не на словах, а на опыте". Неверующий: "Хорошо, покажите: пойдете в кухню, я дам вам воды, вскипятите ее так, чтобы пара не шло и чтобы вода мгновенно исчезла из кастрюли". Профессор физики: -"Я вам не могу это здесь показать: мне нужен прибор". Неверующий: "Какой такой прибор: слова о приборе, ссылка на отсутствие условий опыта увёртка". Профессор физики: "Я с вами спорить бессилён, приходите ко мне завтра в лабораторию". На другой день в лаборатории профессор объясняет: "Видите этот крошечный сосудик: здесь запаяна жидкость в пространстве, где разрежен воздух; сосудик находится в условиях необычайного давления; теперь я нагрею до соответственной температуры и сразу жидкость превратится в газ". Неверующий: "Да, но сосудик мал и не видишь, что произойдет там; далее, сосудик ваш находится в системе стеклянных! сосудов и его нельзя взять и поднести к глазам". Профессор: "Не беспокойтесь: сядьте сюда - я направлю луч из волшебного фонаря на сосуд и отражу его на экране в увеличенном виде: видите? Вот сосуд: вот эта черта на экране есть граница жидкости... Я нагрел - видите, граница мгновенно исчезла..." Неверующий: "Это всё какие-нибудь фокусы. Я требовал осязаемости: вместо этого вы сосудик от меня спрятали под

стеклянный колпак; я глазами не видел, как жидкость мгновенно перешла в газ: я видел лишь, как на экране мгновенно исчезла черта; почему я знаю, что там произошло в сосудике..." Профессор: "Я вам показал реальный опыт, научно обставленный; но вы опыт находите не реальным: простите - я полагал, что вы прошли гимназический курс физики; оказывается, вы не знаете, что есть опыт. Подите, поучитесь, а пока я на все ваши возражения буду отвечать вам молчанием". Неверующий: "Это не ответ: вы просто прячете доказательство; явное делаете тайным, чтоб морочить людей. Да оно и понятно: где видано на земле, чтобы жидкое мгновенно переходило бы в газообразное" будь это так Атлантический океан мог бы мгновенно исчезнуть..." Профессор: "Будь возможность сам океан заключить в систему подобных сосудов, с ним произошло бы то же, что с этой капелькой жидкости. В принципе океан может мгновенно исчезнуть". Неверующий: "Шарлатан вы: вы говорите ерунду; (к окружающим) господа - профессора морочат народ: бить их" (далее происходит университетский погром). Сопоставьте предшествующие мои слова о *тайной науке* с этой сценой и Вам станет ясна моя мысль. Делаю транскрипцию этого разговора: *Адепт тайной науки*: "Эфирное тело есть". Профан: "Оно недоказуемо". Адепт: "Извините, оно доказуемо". Профан: "Доказуемость в опыте". Адепт: "Эфирное тело доказуемо *на опыте*". Профан: "Покажите мне его на опыте". Адепт: "Для этого нужно, чтобы *лелестки лотоса там-то* в вас задрожали, а для этого нужно, чтобы вы вели такой-то образ жизни, нужно очищение вашего тела и не только физического, но и эфирного, но и астрального: нужно моральное стремление, сочетаемое с тем-то и тем: это и есть та лаборатория, в которой убеждаетесь вы в существовании эф[ирного] тела..." Профан: "Я хочу тотчас же". Адепт: "Т.е. вы хотите грубыми средствами, разрушающими здоровье и этику, удовлетворить свое любопытство; извините, я не могу вас удовлетворить: это было бы колдовством, а с колдовством, гипнозом и порабощением воли оккультизм не имеет общего..." Профан: "Хорошо, я согласен учиться..."

Проходит год.

Адепт: "Вы видите *то-то и то-то*, вы испытываете при этом *то-то и то-то*. У вас были такие-то и такие-то моральные переживания. Болело здесь, здесь и здесь: после чего вы стали физическими глазами видеть *такое-то* истечение". Профан: "Совершенно верно, откуда вы это знаете?" Адепт: "Странный вопрос: я знаю, ибо это всё есть просто знание физиологии, знание физиологической зависимости физического тела от эфирного. Наука предсказывает затмения, оккультист ученику рассказывает то, что этому последнему кажется субъективнейшим субъективнейшего в себе... Истечения такого-то цвета?" Ученик: "Не совсем такого-то". Адепт: "Стало быть вы сделали такую-то ошибку, вы не так делали медитацию в этом-то месте". Профан: "Я делал *то-то*". Адепт: "Не совсем то. Надо делать *то-то и то-то*. Приходите ко мне через месяц: тогда мы двинемся далее". Профан: "Я позволю напомнить вам, что год назад вы сказали, что я увижу эфирное тело, а я увидел и узнал бесконечно многое, но совсем другое: *то-то и то-то*". Адепт: "Позвольте: *то-то* есть слабое видение вашего эфирного мозга". Профан: "Я себе не так представлял". Адепт: "Вы себе представляли неверно". Профан: "А чем вы докажете, что эти *течения* эфирные?" Адепт: "Я докажу это только тогда, когда у вас будет *то-то и то-то*, когда *объект* ваших опытов обрисовется точно". Профан: "Я не хочу больше ждать". Адепт: "Вы хотите воочию убедиться в достоверности опытного принципа, не имея еще опытных данных; согласитесь: трудно в физике доказать кинетическую теорию газов тому, кто только всего и знает, что тела, погруженные в воду, теряют вес, равный объему вытесненной жидкости: у вас нет терпения продолжать учение". Ученик: "Я вам не верю: вы шарлатан". Адепт: "Я с вами заговорю лишь тогда, когда вы окончите среднюю школу оккультизма..."

Проходит 2 месяца и... профан печатает: "*Разоблачение тайной науки*", в которой доказывает, как он постиг методы оккультизма и пришел к выводу, что *оккультизм* - самогип[ноз](4).

И люди века сего восклицают: "Видите, видите: мы всегда говорили..."

Вот почему создалась естественно та стена, которая отделяет *тайную науку* от *просто науки*. Джордано Бруно был сожжен на костре физическом за то, что был впереди века. Тайная наука остается *всегда впереди*: и потому-то ее удел - костер смеха вокруг нее. Но граница между ней и просто наукой постоянно передвигается; граница эта изменяется в

зависимости от эпохи, нации, периода времени. Последняя глубина *Geheimwissenschaft* головокружительно опасна для *слабых* {динамит, полезный только в руках *моральноразвитого* мастера, и губительный, когда попадает в руки *товарищ*?; динамит средство взрывать граниты загораживающие путь; в руках у *товарищ* динамит средство взрывать людей... Достанься *тайное знание* в руки морально нетвердого общества - оно разорвало бы и человечество, и земной шар); а окраины *Geheimwissenschaft*, пограничные с жизнью, постоянно меняют свои контуры; так основы современной науки, теория вращения планет, объединяющая воедино и птолемееву систему, и систему Коперника, были достоянием *Geheimwissenschaft*, которая сознательно сперва пустила в оборот систему Птолемея, а потом систему Коперника; бывшее *тайным стало явным*; обратно излечение морально эфирным током было вовсе не тайным: были медицинские институты *явные*, [учившие](5) излечивать наложением рук. Одно время (не теперь) эти примитивно-явные знания отошли в область тайного (граница передвинулась здесь в обратную сторону). Эти передвижения границ между явным знанием (Земля - шар), так сказать явным (скульптурная формула Вейер-штрассе), так сказать тайным (проблемы изучения действия мыслей на расстоянии) и просто тайным 1) обусловлены моральной недисциплинированностью среднего человека 2) созданы, как ограда для блага среднего человека 3) эти передвижения границ совершаются во имя спасения человечества ради тактических целей. И даже: первые этапы *тайного*, намечаемые в культуре мистерий, также меняются во имя среднему человеку недоступных благих целей; так: мистерии Индии суть культура эфирного тела, Египта - культура астрального тела; мистерии христианства - культура человеческого "Я" и т.д.

Повторяю: границы отделяющие *явное* от *тайного* естественны, а не насильственны и обусловлены *знанием, мудростью и светом*, а не хаосом, тьмой неизвестности и экстазом.

Вы пишете: "Главный мой вопрос - это оккультизм? Все дело в цели, а в средствах... Так вот мой вопрос, который я не критически холодно себе задаю, не осуждаю чего-то, а просто спрашиваю и со страхом и, каюсь, недоверием! Привычка верить яркому солнцу, а ночь хотя и манит, но Бог знает, какая там нечисть живет! А тут не все на солнце, иначе почему таится?"

Я надеюсь, что вышенаписанное мной есть ответ на слова, почему не *все на солнце*.

Итак, что есть солнце? Глаз наш, ощупывающий солнце, или животворное действие тепла солнечных лучей - тепла Христова. Прежде всего проблема о *тепле* и *свете*. Свет Свету рознь: свет ледяной снежной равнины, когда солнце за облаками есть *свет* без тепла но солнечный. Тепло молитвы Иисусовой, произносимой в темной комнате и физически даже ощутимой, как тепло в груди и в сердце есть *тепло* без физического света.

Итак, что есть свет? Что есть *тепло*! Что есть свет без тепла? Что есть *тепло* без *света*! Что есть *свет* и *тепло*!

Постараюсь подробно ответить по крайнему разумению, но сперва отвечу, как я отношусь к слову "*оккультизм*".

Милая, после недельного перерыва возвращаюсь к письму (в середине лежит Кельнский курс Доктора "*Бхагават-Гита* и послания апостола Павла"): итак слово "*оккультизм*" не волнует меня, не связывает: это не "*оккультизм*" заставил меня, бросив все, сесть у ног Доктора покорным учеником; но и оккультизм не то, что Вы себе представляете: это не какое-нибудь волхование, упрятывание тайны, а известный познавательно-практический путь обставленный опытами и обучением, как *всякая наука*; разница между точной наукой и оккультизмом та, что благодаря особым условиям праксиса *объект* тайной науки (оккультизма) безгранично деликатнее и сложнее нежели всякий другой объект естественной науки; потому и профессора этой науки очень, очень редки; и методы естествознания с их микроскопами и телескопами составляют нечто *носорожье* по сравнению с деликатными и чувствительными "*приборами*" окк[ультной] науки (приборы эти, так называемые] *цветы лотоса*, суть органы нашего более тонкого тела и их мы должны организовать предварительно особыми приемами, даваемыми учителем). "*Тайная*" наука - название историческое, традиционное; "*тайными*" науками прежде

считались и математика, и физика, и знание электричества. Вы знаете, что суть науки не в термине: *физикою* прежде называли и науки, составляющие ныне предмет зоологии, физиологии; а современная физика скорее не физика, а *динамика*; современная *биология* скорее *гистология* и *эмбриология*; но мы говорим *физика*, *зоология*, сохраняя за наукой сместившийся уже исторический ее термин; таким же историческим термином является *оккультизм*, ибо *оккультисты* вроде Кунрата, Гельмонта, Парацельса были не только историческими предтечами новой науки и новой философии, но и владели многими знаниями чисто практического, действенного познания: т.е. был момент, когда передовые гении человечества в смысле теоретического мышления были еще кроме того соединены в *тайное братство* (розенкрейцерство); оккультистами были те, кто соединяли знание о природе внешней со знанием о природе души; последующий разрыв между *этими знаниями* в силу ряда сложных, необходимых исторических условий и создал искусственное деление на *тайное* знание и *явное* знание; противоположение между тем и иным смешно.

Противоположение это усиленно раздувается *носорогами* от науки и шарлатанами от оккультизма. *Оккультизм есть наука*: и он не прячется; на циклах Доктора сообщаются *почти на площади* (при 500 аудитории) вещи оккультнейшего порядка; не забудьте: эти 500 человек (почти площадь) состоят частью из людей, которые сами состоят в ученичестве у Доктора, частью принципиально не предубеждены против "*Geheimwissenschaft*"; частью это просто не болтливые люди; *тайна* тут только в том, что лекции Доктора изъяты из публичного обихода и изданы на правах рукописей; но это на том же основании, на каком *рел[игиозно]-фил[ософское] О-во* не собирается в Моск. Художественном Кружке. Современное] *О-во* настолько погрязло в предрассудках, что сообщать ему нечто, требующее для восприятия и еще моральной работы над собой и проверяемое лишь на личном опыте, - сообщать это, значит воистину кощунствовать. Доктор от толпы не прячется: каждые две недели в Берлине он не только читает публичную лекцию, но и пространно отвечает с кафедры на все предложенные вопросы. Доступ к *оккультизму* открыт: нужна только добрая воля и личная инициатива; и далее: *терпение в работе* и доверие, что терпеливо и безуспешно веденная работа в один день даст свои плоды. И так нетерпеливость, недоверие, отсутствие доброй воли и личной активной инициативы со стороны критиков *Geheimwissenschaft* может породить впечатление, что тайная наука для чего-то *упрямывается* под спуд. "*Оккультизм*" в смысле Вашего письма не существует.

Нельзя же ведь в самом деле опытно работать в лаборатории со студентом, предлагающим профессору вопрос: "Почему атомный вес серы 32, а не 331 >> Профессор на это ответит: "Оттого, что 32: это факт, а не размышление: я нисколько не виноват, что Ваше желание, чтобы вес атома серы был =34 по сравнению с водородом, не осуществимо, ибо вес серы = 32; и это так; вам это может нравиться и не нравиться; мне тоже может это не нравиться, но *факт остается фактом*".

Вспоминаю, как некогда Гр[игорий] Алексеевич] Рачинский кому-то говорил: "Почему 16 лепестков у такого-то цветка Лотоса, а может быть 18?" Вопрос Гр. Ал. Рачинского есть тот же вопрос студента. Доктор на этот вопрос лишь ответит: "Я не виноват, что такой-то орган астрального тела так-то построен: спросите об этом у Господа Бога: я не Господь Бог, но я изучал анатомию астр, тела; и не я один, а все изучавшие считались с такою-то анатомической формой, а не эдакой". Поймите: возражения, подобные приведенному, отскакивают от *тайной науки*, как досужее схоластическое измышление отскакивает от *факта*, или как горох от стены...

Теперь, когда и мы с Асей стоим у преддверия опытной части *Geheimwissenschaft*, невыразимо смешны иные теоретические опровержения положений Доктора; например: в известном месте он говорит: "Таков факт, проверяемый (путь проверки остается открытым)". А на факт возражают: "Совместимо ли это умозрение с каноном ортодоксальной церкви?" Здесь опровержение Доктора *умозрением* для меня уже сейчас просто смехотворно и напоминает возражение современников Николаю Копернику: "Совместимо ли с достоинством Славы Божией, избравшей Землю центром вселенной, что Земля, центр вселенной, бегаёт вокруг солнца?" Вы понимаете, что исследования Коперника ни умаляют Славу Божию, ни явно доказывают ее, ибо исследования эти и

исследования *Славы Божией* несоизмеримы: методы несоизмеримы. Мы это знаем теперь хорошо о Копернике; но то же надо сказать и об оккультизме.

Оккультизм *позитивен*, а не *спекулятивен* и он ни задевает религию, ни строит ее; просто оккультизм несоизмерим с *телеологией*; связь *что* оккультизма с *для чего* - это уже метафизика Доктора Штейнера; в *метафизике* своей он философ, как всякий другой; правда, он строит мост: от оккультизма, как науки, к метафизике и философии истории, от этих последних к мистике, и от этой последней к религии и обратно. Но мост строил и Вл. Соловьев.

Поймите: назвать Штейнера оккультистом можно: С[ергея] Николаевича Булгакова можно назвать *политико-экономом*, меня - *естествоиспытателем*, Достоевского - *инженером*, Ницше - профессором филологии; но смысл деятельности С.Н. Булгакова - религиозно-философская деятельность, лишь косвенно отражающаяся на специальности С.Н. (политическая экономия); смысл деятельности Достоевского - религиозно-художественный; (б) я - кто я? Я могу писать статьи, стихи, романы, критику; но могу быть и естественником (когда-то писал рефераты по физике и зоологии). Я и сейчас могу взять и написать статью: "О период[ической] системе элементов". Кто я? Географ? Химик? Поэт? Критик? Беллетрист? Доктор Штейнер: ученик Геккеля и прекрасно осведомлен о последних научных открытиях; кроме того: два года он писал в газетах рецензии на книги поэтов и на театр; специальность его - *Geheimwissenschaft*, но он имеет пламенные религиозные-философские убеждения.

Ныне я учусь у Доктора Штейнера предмету его специальности: я ученик его в *Geheimwissenschaft*, как был я учеником проф. Анучина и писал последнему сочинение об "Оврагах"(7). И поскольку "*физическая география*" не изменила ни капли мои религиозные, эстетические убеждения, постольку *Geheimwissenschaft*, как бы я ни отдавался ей, оставляет мои симпатии и антипатии в других сферах знания и мысли; но те приобретения в чисто опытно пути, какие могут для меня встретиться, конечно могут влиться и в мои философско-эстетические взгляды, подобно тому, как любовь к естествознанию отразилась (надеюсь ко благу) в творчестве Гёте ("*Избирательное сродство*", "*Теория цветов*", "*Позвоночная теория черепа*" и т.д.). Можно ли сказать: естествознание поработило волю Гёте? Не сказать ли наоборот: оказало воспитательное значение.

Поймите: оккультизм для меня средство, как и для Доктора средство. Доктор - оккультист; но и - религиозный проповедник, и мистик, подобно тому как С.Н. Булгаков политико-эконом; но религиозность С.Н. ретроспективно преломила его политические взгляды, как прежде *политическая экономия* влияла на путь, на тонус подхода к религиозной проблеме вообще; так *оккультизм* Доктора оказывал влияние на *тонус* его касания проблемы религиозной; и обратно: христианская проповедь Доктора отражается ныне на взглядах его о задачах и целях *Geheimwissenschaft*. Оккультизм и религия в той же мере соприкасаемы, как соприкасаема религия с вопросами политической экономии: *соприкасаемы, но не смешиваемы*. И мое доверие к Доктору в сфере *Geheimwissenschaft* соприкасаемо с моим восторгом по отношению его мистической и религиозной миссии: соприкасаемы, но не смешиваемы: в области *Geheimwissenschaft* я учусь у Доктора; в областях мистики, религии, я восторгаюсь, соглашаюсь, спорю, сравниваю свою точку зрения с его, беру что мне надо, и т.д. *Учение* и любовное доверие, *Geheimwissenschaft* и индивидуальная мистика Доктора не смешиваются в душах его *учеников*; *свобода* личного почина, *свобода* мысли, отношения к Доктору безграничны; инициатива личная, творчество личное лишь окрыляются у Доктора: кто этого не понимает, тот ничего не понимает ни в Докторе, ни в *ученичестве* у Доктора.

Те или иные методы окк. работы *мне нужны*: и Доктор, давая мне указания уподобляется профессору, дающему указания ученику, ведущему самостоятельную работу по химии: профессор может дать, как опытейший, совет, так-то загибать стеклянную трубочку, так-то выпаривать жидкости: но эти указания технические, не влияющие на выбор и род работы. Ни о каком монастыре, ни о какой отдаче воли не может быть речи; если я - земля, на которой растут цветы, то я - земля - могу просить химического удобрения; те или иные советы Доктора касаются о характере удобрения земли: а что на этой земле растет: цветы или чертополохи, это уже от меня лично зависит.

Ваши слова об отдаче воли вполне понятны, ибо они естественно возникают в тумане московского, предвзятого, химерического, *умственного и только умственного* представления о Докторе и его пути. Следует лишь раз лично увидеть Доктора или раз поговорить с ним, чтобы понять *беспочвенность и схоластичность* мнения, будто дело Доктора - монастырь, а не строительство новой, *религиозной* культуры, а путь к Доктору - отдача воли, вместо увеличения творческой независимости.

Да вот Вам: "Ни один учитель эсотеризма, давая эти правила (т.е. медитации, концентрации, контемплиации), не имеет в виду посредством них господствовать над людьми. Никто не ценит и не охраняет человеческую самостоятельность, как учителя оккультизма... Орден, обнимающий всех посвященных, окружен стеной... Если же посвященный выступит из замкнутого пространства наружу и войдет в общение с людьми, тогда для него входит в силу третий строгий закон: *"Наблюдай за каждым твоим действием и... словом, так, чтобы через тебя ни один человек не испытывал давление на свободное решение своей воли"*... (*"Путь к Посвящению"* русс. пер. стр.64) и далее: "Кто убедится, что учитель эсотеризма проникнут именно таким настроением, тот не будет опасаться за свою самостоятельность, когда последует практическим правилам, которые ему предлагаются" (там же, стр.64). Убедился ли я, что это так? Слишком убедился, ибо слишком видел людей вокруг, трагедия которых не в том, что Доктор связывает волю, а в том, что не берет настойчиво предлагаемой воли и уклоняется влиять на то или иное решение.

А что Доктор Штейнер - посвященный, то это так же мне ясно, как напр. то, что Ницше *не бездарность*. Это уж - *позвольте мне знать*: живя в *быту* окружения Доктора мы привыкли просто смотреть на *такие факты* доказательства этого, что приходится усиленно *заграждать свои уста* молчанием дабы не прослыть даже перед ближайшими друзьями лгуном. Ведь *мы*, ученики Доктора, находимся под непрерывным дождем *явлений*, из которых каждое *в мире сем* сочли бы за чудо: *и вот то, что мы молчим об этом*, дабы нас не называли лгунами и дабы тень шарлатанизма от наших сообщений не пала на Доктора Штейнера (ибо даже Вы мне не поверили бы, если бы я Вам рассказал все реально-чудесное, бывшее с нами за эти 8 месяцев) - это вот *вынужденное молчание*, тягостное (ибо тут нельзя говорить, а надо вместе *видеть и осязать*, т.е. прийти к Доктору) и является тем *удивляющим* фактом, что ученика Доктора Штейнера можно обливать градом доказательнейших рассуждений о том, что штейнерьянство схоластика, что оно отвергает благодать, что оно - без творчества, схематично: ученик Доктора Штейнера, если он *реальный* ученик, а не только член его О-ва, - ученик Доктора Штейнера будет сидеть и молча улыбаться: слыша *умствования* он будет вспоминать *пережитые факты*; и вместо всякого возражения скажет: "Поехали бы Вы сами к Доктору, а потом и поговорим".

Несоответствие книжной критики и досужего разглагольствования по поводу напечатанных его книг с реально пережитым и благодатно чудесным - вот глубокий переступаемый ров между учеником Доктора и неучеником.

Вопрос о том, знает ли Доктор, куда ведет он (Ваш вопрос) есть в сущности вопрос о том: посвященный ли Доктор?

Я тут не могу убеждать или разубеждать, а Вы не можете ни верить, ни не верить. Я могу лишь свидетельствовать: *"Да, - он посвященный"*. И как всякое реальное свидетельство, свидетельство мое будет текстом из послания Ев. Иоанна: *"О том, что видели, что осязали руками своими"*.

Противники Доктора все только говорят, а ученики его молчат, но: *"видят и осязают"*. Оттого-то вечное недоумение спорщиков: им кажется, что они в лоск уложили штейнерьянство, а ученик Доктора (видят они) глазом не моргнет. Тогда спорщики говорят: "Штейнерьянство губительно отражается на самостоятельности, поработает волю и мысль". Они не подозревают, что не в штейнерьян-стве дело, а в личности *Посвященного*. Доктор Штейнер так же далек от нарисованного образа его, встающего со слов очевидцев, случайно соприкоснувшихся с ним, книг или рассуждений, как *Монреальский Собор*, около которого, *для которого* прожили мы 10 дней в холодной комнате, от открыток, изображающих собор, которые мы посылали в Москву. Мне не нравится открытка, скажет

Г.А. Рачинский; мне не нравится сам собор, скажет Э[милией] Карлович] Метнер; возражение Гр. Алексеевичу: на открытке ложно расположены краски; возражение Э.К. Метнеру: вы увидели внешность собора, а внешность - арабская; и вы прошли мимо; внутренность же собора - ослепительная византийская мозаика.

Монреальский собор - Доктор; открытки собора - напечатанные книги и даже... циклы (допустим); внешность собора - Доктор Штейнер на публичных лекциях и при мимолетном общении.

Теперь возьмите историю искусств и Вы увидите: монреальский собор знаменит своей внутренностью: внутри его - *лучшая византийская мозаика мира*. Внутренность штейнерьянства, его священная мозаика есть глубокохристианский, катастрофический смысл самой личности Доктора; *теософия Доктора* - арабская внешность христианского собора (кстати: Доктор все порвал с *теософией*: восточную мудрость он назвал засохшей смоковницей); а *Geheimwissenschaft* - искаженные открытки собора.

Вот видите сколько, родная; и все по поводу одного слова: "*окультизм*". И это все для того, чтобы Вам стало ясно, как день, что я не хочу ни преувеличивать значения этой области знания, ни смешивать окультизма с религией; ни, тем более, преумалить объективного значения для культуры будущего истинных форм этой науки. Действительно: если окультизм есть наука, т.е. если он опирается на *опыт*, как научная систематика этого опыта, его значение громадно. Для профанов и теоретически судящих об окультизме его вовсе не существует; для нас, учеников Доктора, он - есть (и на отрицание факта его существования мы, ученики Доктора, заявляем: приходите к Доктору, поживите с нами, в нашей рабочей атмосфере - так сказать в лаборатории - и вопрос для Вас сам собою решится); а раз он есть, - есть, как наука, то громадное значение его для анатомии, физиологии человеческого тела (хотя бы) громадно: теперь *микробиология* и *бактериология* говорят нам о деятельности микроорганизмов и о роли их в жизни физического организма; борьба болезней переносится к борьбе с источниками болезни: путем регулирования деятельности микроорганизмов в теле Мечников создает мечту о возможности удлинения человеческого возраста. Теперь перенесем расширенный в бактериологии диапазон медицины на почву окультизма; сопоставим учение окультизма, основанное на *опыте*, что самый физический организм есть уплотненное элементарное тело, что физическому сердцу соответствует эфирное, и что связь между тем и другим такая же, как между водой и плавающим в ней из нее выкристаллизованным куском льда, что работая над эфирным телом, сознательно управляя и организуя последнее мы чрез организацию последнего приближаемся по иному и к физическому - поймите связь тел, поймите, что анатомия и физиология подлинного телесно-многосоставного человека значительно отличается от тех обрывков физиологии и анатомии, которые установимы, при анализе видимого тела физического, и Вы на этом лишь положении согласитесь; и скажете: "При условии существования эфирного тела, это значение окультизма, как *знания лишь(в), безмерно*". Но для ученика окультистской школы существование эф[ирного] тела (даже для меня) есть не только доказанный, но и *лично проверенный* факт: следовательно *условность* существования превращается для меня в научную истину; следовательно - роль окультизма, как науки будущего - в будущем превосходит для меня все смелые сны, какими бы явились для человека XV столетия достижения естествознания XIX столетия. Изображаю графически соотношения тел; объективно, в пространственном отношении каждое тело более ниже лежащего: если "а" физический человек, то "b" эфирный:"с" - астральный:

и т.д.

Эти высшие тела, так сказать торчащие из физического, пронизывая *тело* физическое и *проницая* друг друга, относятся друг к другу, как *лед к воде, вода к водян. пару, пар к газу* и т.д. и составляют окружение человека, т.е. его *ауру* (видную при известных упражнениях); но взяв например сердце, мы можем, принимая во внимание принцип пронизывания одного тела другим вместо существующей анатомической схемы, - физическому сердцу дать следующую схему:

Видите: вся схема меняется: методы медицины будущего (ныне еще зародыши ок[культной] медицины) деликатнее и тоньше. Если же принять во внимание, что чем выше восходим мы от тела к телу, тем более кровна связь между *природно-законным* и *морально-настроенным*, вопрос о связи усложнится. Оккультизм рассматривает подлинное "Я", как монаду, лежащую на границе между *тонкой телесностью* и чистым духом; все, что ниже я, душевно, и далее: душевно-телесно; и наконец телесно; выше - надиндивидуальная стихия духа в человеке и мир ангельских иерархий в его окружении. Но дуализм между телесным и духовным в "Я" пропадает: "Я" - не раздвоено.

Такова схема:

Мною расставлены буквы:

"a" физическое тело

"b" эфирное тело, тело воспоминаний (эфирный мозг *подлинный орган мышления, а физический мозг* грубейший инструмент)

"c" астральное тело - тело чувств (ибо самые элементарные чувства есть все еще телесная материальность)

"d" тело мысли (ибо и обычная мысль есть *sui generis* материализация)

"e" подлинное я и т.д.

Видите: "Я" приподнято над телом, мыслью, чувством; даже мысль лишь телесность; и приняв во внимание проницаемость тел друг другом, мы для нормальной оккультной работы должны для телесного *воочию* наблюдения над объектами оккультизма работать уже в области морального очищения себя; такая мораль - мораль оккультизма - есть даже еще не мораль, а просто гигиена; и ей грош цена, но если такой морали *грош цена*, это не значит еще, что за пределами оккультизма, как науки, нет морали, что оккультизм аморален: наука ни моральна, ни аморальна в смысле высокой человеческой морали; оккультизм Доктора *личную этику* низводит с высокого пьедестала *морали* до понятия *гигиены* и мер предосторожности (не кури над бочкой с порохом, не уплотняй мысли жизненными мыслями и т.д.) для того, чтобы в метафизике и *религии* принять как мораль безграничную *божественную любовь*.

Воспитание же в себе монастырской, лично-эгоистической морали, как цели, Доктор осуждает: вот что Доктор говорит про *такую мораль*, мораль взятую, как *йога*: "Люди, идущие исключительно путем *йоги*, быть может и находят в себе душевное тепло, но они уже не умеют передать своего тепла другим; блеск и великолепие мира для них гаснет; мир отваливается от них; они остаются в самих себе: такова участь многих современных *иогистов*; гордые собой, эгоистически замкнутые в своих восторгах, они скитаются среди нас какими-то бледными тенями, непонятые никем, не понимающие никого". (Из Кельнского курса).

Нечего говорить, что сам Доктор - полное воплощение противоположного: с утра до вечера с людьми, десять лет разрываемый на части, едущий с лекции на курс, с курса на лекцию, спящий в поезде, десять лет объезжающий Европу: до вот хотя бы последний кусок внешней деятельности Доктора. *Август*: пишет новую мистерию, ставит все три мистерии (каждый день две репетиции, в промежутке этого времени: ряд интимных свиданий; ночью пишет и /это между нами/ является в снах ученикам); с 17 августа мистерии. С 20 августа курс лекций "О посвящении". *Сентябрь*. После мюнхенского цикла 10 дней работает в Мюнхене, за это время принимает 260 человек, из которых каждый ему несет *последнее*. С середины сентября курс в Базеле; в Базеле 150 свиданий; после две недели отдыха; и далее: читает публичные и интимные лекции в Лугано, в Милане. *Октябрь*. Разражается история с Безант, секретарские обязанности; едет на лекции в промежутке в Лейпциг и Гамбург. Читает через две недели лекции в ложе и через две недели публичные в Берлине, правит корректуру нового издания *Geheimwissenschaft*, проглатывает ряд книг (ибо за всем следит лично), организует "*Антропософическое Общество*". *Ноябрь*: Лекции в Берлине, маленький курс в *Мюнхене* (на свидании у Доктора вечно толпа ждущих приема: по 20-30 человек ждут часами). И опять: лекции в Берлине. *Декабрь*: ряд лекций в Берлине. Ряд лекций в Швейцарии: Цюрих, Берн, Невшатель и еще в каких-то швейцарских городах; летит к Рождеству в Берлин, где опять-таки ждут: публичная лекция, интимная лекция в ложе, рождественская лекция в ложе, наконец праздничная лекция в ложе для одиноко себя за границей чувствующих иностранцев-теософов (для нас в том числе). И тотчас же Кельнский курс (5 лекций и 2 публичных). Вчера ночью мы приехали потрясенные курсом (мы разбиты лишь слушая Доктора), а уж завтра - лекция в ложе, через 3 дня публичная лекция "*Миссия Рафаэля*"; а уже недели через две-три новая поездка Доктора: в Лейпциг, в Вену, в ряд австрийских городков и оттуда в Штутгарт; на немецкой Пасхе, кажется, новый большой курс в Амстердаме, потом в Риме, и т.д.

Вот отрывок (за несколько месяцев) общественной деятельности Доктора; а ведь так Доктор - 10 лет. За это время прочтены сотни публичных лекций, десятки тысяч прошли интимных свиданий и десятки интимнейших, головокружительных курсов. Во время писания мистерии в Мюнхене Доктор *полтора месяца фактически не имел времени спать*. При этом: быстрый, гибкий, моложавый, общительный, веселый; на пекциях голос гремит; в глазах *такой любви* к человеку я ни у кого, никогда не видал: на Рождестве он так говорил о любви, что нам с Асей, *видавшим виды* просто, по-мужицки-по-дурацки, хотелось *реветь* от хорошего, хорошего чувства. Принимая сотни людей, каждого отпускает потрясенного, радостного: вокруг этого человека постоянно водоворот изменяющейся человеческой судьбы: блудники, грешники рыдают и каются; умные умаляются и говорят "*что мудрость века сего*", небольшой, обиженный судьбой человек *около* Доктора начинает расти.

А Вы, милая, о какой-то там катакомбе, и гиератизме: Доктор не потому для меня *гиерофант*, что в его книгах можно вычитать жест мудрого величия, а потому он для меня *учитель*, что всю жизнь своей он только и делает, что оmyвает больные и усталые ноги учеников.

А у нас в Москве, покуривая, за чаем занимаются тем, что не понимая, не видя, не зная этого человека, рождают умственную канитель, не имеющую ничего общего с Доктором. Не удивительно: ученики Доктора Штейнера, слушая многие "*умные*" рассуждения о якобы гиерофантической деятельности Доктора, только молчат: если бы поняли источник того равнодушия, с каким

Петровский например слушает речи о "*штейнеризме*" и преспокойно себе молчит, потягивая чай, то ей-Богу, смутились бы.

Ведь у меня редкая способность: писать письмо в 40 страниц объясняющее о Докторе то, что для учеников Доктора есть само собой разумеющееся.

Ибо само собой разумеется: "оккультизм" Доктора его "*посвященность*" и "*мудрость*", *осветлены и согреты для нас его мирской деятельностью, самоотвержением и безмерной, христианской любовью к человеку.*

Многообразнее этого человека я не знаю: в промежутках между *всем* важным он - возится с детьми, выкапывает и ставит крестьянское прославление Рождественской Звезды по образу крестьянских мистерий Венгрии, занимается лично смешением красок, читает египетские иероглифы, изобретает какие-то новые краски, прекрасно знает историю живописи; по его методу где-то построена мельница с новой системой вращения колес. Доктор Штейнер: математик, естествоиспытатель, знаток Гёте, любитель Новалиса, лично знакомый с немецкими поэтами-модернистами, бывший знаток театра, бывший воспитатель (воспитал *идиота*: теперь "*идиот*" кажется разумный человек); кроме того, он дает указания Доктору Пайперсу (ученику), как пользоваться методами оккультной медицины, лично знает целебные свойства растений. А вот из области анекдотического: для одной из поставленных мистерий нужна была картина: краска не удавалась художнику; представьте: в 2 часа написал картину - сам: и со сцены, издали, она выглядела преинтересно; на репетициях - сам завертывал складки костюмов. Подумайте: я ташу Доктору толстые тетради своих схем, и Ася - тоже, Эллис - тоже: каждый несет ему свое.

Да поймите же родная: оставляя в стороне все вопросы *оккультизма, посвящения, мудрости*, мы все-таки остаемся с чудом: с *Доктором Штейнером*. Ничего прекраснее, солнечнее, горячее, энергичнее, радостнее Доктора Штейнера я не знаю.

Ей-Богу, не преувеличивая: он - сам радостный, всевдохновляющий Свет.

Родная, хорошая: ведь мое письмо суще безобразия; и при том заметьте: все оно отвечает лишь на один Ваш вопрос: "Что такое оккультизм". Ответ: "*оккультизм - не путь*", но Доктор Штейнер путь, ибо его учение о значении *Geheimwissenschaft* лишь первое периферическое его окружение.

В чем его *Путь*, это будет предмет следующего моего письма. А теперь ответьте: удовлетворены ли Вы моими словами о нашем отношении к оккультизму. Я хочу, чтобы наши письма друг другу были деятельны в смысле взаимного понимания друг друга.

Итак; мои тезисы:

- 1) Оккультизм - не путь.
- 2) Оккультизм - наука.
- 3) Д. Штейнер не только оккультист. Оспаривайте!

О том, что он и кто он, я буду писать впоследствии, как и о том, что есть *свет, тьма, солнце, тепло* (т.е. о другом поставленном Вами вопросе).

Пока же я ответил на первый.

Теперь деловая часть.

Вижу Вас, родная: и вижу - Вы говорите: "Б.Н. увлекается. Доктор Штейнер для него какое-то чудо". Но ведь вот: не трудно поверить, что такое многообразие и солнечность, как Доктор, описанный мной, пленяет; но трудно поверить, что Доктор, описанный мной в многообразии своих проявлений, есть бледная схема подлинного Доктора. Если Вы поверите, что это так, то Вам будет понятно несколько *ироническое* молчание учеников Доктора меланхолического темперамента при критике книг или деяний Доктора; и Вы поймете мой холерический восторг при описании Доктора и всю мою досаду, что радость моей веры в *чудо*, называемое Доктором, не разделяют любимые лишь по *неведению*, т.е. случайно...

Милая, родная Маргарита Кирилловна: я хотел писать об одном деле: о том, почему так долго я не представляю "*Пути*" работой(9). Сказать внешне об этом не хочу; хочу Вам описать подробно, как мы живем изо дня в день, как устаем, как много работаем, чтобы *реально* почувствовали Вы, что мои оправдания и извинения в столь долгой медлительности не увертка, а совершенно реальны. Но... опять оторвался от письма (на

несколько дней: я

пишу это письмо отрывочно, две недели); милая, о себе и еще о Докторе, о радости моей, о работе "Пути" позвольте до другого раза.

А то рискую расписаться, и письмо - еще застрянет на неделю.

Вы позволите ведь писать Вам и впредь так неровно, много, обрывочно... Ведь да?

Поздравляем Вас с Асей с русским Новым Годом. Желаем Света, радости и счастья. И много бодрости.

Ну Христос с Вами.
Остаюсь, глубоколюбящий Вас,
Борис Бугаев

Примечания:

1. В оригинале эта часть письма (от "Пишу родная..." до "к Вам") зачеркнута крест-накрест. Большинство всего текста письма написано зелеными или красными чернилами.

2. См. "Комментарии" к СИМВОЛИЗМУ (М., 1910), с.460: "...как интересуют нас и мистики более позднего времени, относящиеся к эпохе Возрождения и (после нее: Рейхлин, Пико-де-Мирандола, аббат Тритгейм, учениками которого явились два таких имени, как Агриппа с его последователем Иоанном Вейером и Теофраст Бомбаст Парацельс, ставший в скором времени знаменем глубоко интересного и доселе не отчетливо понятого, но во всяком случае глубокого движения, отпрыски которого развиваются и в наши дни; в то время как линия Агриппы пресекается вскоре, линия Парацельса ветвится; во-первых, упомянем фон-Боденштейна (1528-1577) ("*Onomasticum Paracelsicum*", "*De lapide Philosophorum*"); далее появляются сочинения ван-Гельмонта (1577-1644); появляется сочинение Генриха Кунрата из Лейпцига "*верного жениха теософии*"; ученый, каббалист и алхимик, Кунрат издает том своего "*Amphitheatrum'a*"; это произведение группирует вокруг себя видную группу мистиков: Швейгхардта, Ирения (Irenaeus Agnostus), Михаила Майера, Роберта Флудда ("*Macro et Microcosmus*", "*Tractatus Theologo-Philosophictis in libros tres distributus*"); эта группа преемственно продолжается в виде ордена до второй половины XVIII века, когда в упомянутом течении происходит раскол /.../ в конце же XIX и в начале XX-го течение, основателем которого явились Тритгейм, Агриппа и Парацельс, вспыхивает здесь и там: и в сочинениях по истории мистики, отчасти даже в течении, именуемом "*символизмом*". См. также: "Среди выдающихся алхимиков прошлого мы должны отметить Раймонда Люллия (XIII века), Николая Фламелья (XIV века), Беригарда из Пизы, Гельвеция, ван-Гельмонта (XVII века), Генриха Кунрата, Иосифа Кирхвегера и других" (там же, с.490). О многих из них см. кн. АЛХИМИЯ КАК ФЕНОМЕН СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЫ, В.Л. Рабиновича (М., 1979).

2а. Определение Сезанна С.И. Щукиным. (Прим. Белого).

3. Подчеркнуто красными чернилами.

4. У Белого: "самогиптом".

5. У Белого: "лечившие".

6. В конце листа рукой Белого написано: "(продолжение в другом конверте)". На следующем за ним листе написано: "(Продолжение)".

7. Белый писал свое кандидатское сочинение "Об оврагах" проф. Дмитрию Николаевичу Анучину. См. НА РУБЕЖЕ ДВУХ СТОЛЕТИЙ (М.-Л., 1931), с.452-460.

8. Область веры и религиозный момент я пока для простоты исключаю из оккультизма. (Примечания Белого).

9. Белый обещал написать монографию об А.А. Фете для серии "Русские мыслители", предпринятой издательством "Путь", и получил аванс за нее. Затем он намеривался написать книгу о Н.Ф. Федорове. Ни та, ни другая идеи не были реализованы.